

— Родила! Родила! Б-близнецы!

Как только эта весть донеслась из родильного покоя, лицо мужчины, замершего у дверей в тревожном ожидании, мгновенно окаменело.

В мире магов подобное рождение испокон веков считалось проклятием. Небеса видят в двойне единое целое, безжалостно деля врожденный дар пополам и обрекая обоих младенцев на беспросветную посредственность.

Но стоило Годжо Сэйити смириться с горькой мыслью, что супруга подарила ему двоих обделенных талантом сыновей, как из палаты вновь раздался изумленный, испуганный вскрик.

Позабыв о приличиях, встревоженный отец ворвался внутрь — и замер, столкнувшись взглядом с новорожденными. Малыши, едва укутанные в белоснежные пеленки, уже открыли глаза.

На мужчину смотрели две пары чистейших, пронзительно-лазурных глаз, в которых безмятежно расстилалась бескрайняя синева небес. Шедевр природы, великие Шесть глаз!

Наследник древнего клана Годжо, он не мог ошибиться. Перед ним сияло величайшее сокровище его рода. Абсолютная, неоспоримая гордость семьи.

И их было двое!

Явись на свет лишь один такой младенец, Сэйити захлебнулся бы от восторга. Но судьба сыграла с ним злую шутку, даровав великую силу обоим близнецам сразу.

Сдерживая благоговейный трепет, Сэйити все же немедленно известил главу клана и совет старейшин.

Вскоре скромная комната наполнилась людьми. Влиятельные маги и умудренные опытом патриархи плотным, суровым кольцом окружили детскую колыбель. На их лицах застыла маска глубокого, тревожного раздумья. Они неотрывно созерцали двух абсолютно одинаковых младенцев.

Шелковистые пушки белоснежных волос, ангельские личики и, главное, приковывающие взор мистические бездны небесной лазури.

— Это и впрямь Шесть глаз, — после долгого, дотошного осмотра выдохнул глава клана. Его голос дрожал от противоречивых чувств.

Хроники семьи, уходящие корнями в глубокую древность, не знали подобных прецедентов. Две пары Шести глаз в одну эпоху — немыслимо! А тут еще и близнецы... Сходство мальчиков не

оставляло сомнений: они были однойцевыми. В мире магов такое родство считалось неоспоримым Проклятием близнецов, именно поэтому триумф старейшин быстро сменился тягостным предчувствием.

Никто не мог гарантировать, что эти божественные очи не окажутся ущербными. Если небесные законы воспринимают близнецов как единую душу, то и великий дар они могли безжалостно расколоть надвое, лишив каждого ребенка полноты могущества.

Родись на свет один-единственный Божественный младенец, это ознаменовало бы начало новой золотой эры для клана Годжо. История неумолимо доказывала: обладатель Шести глаз — непревзойденный сильнейший. К тому же в извечно соперничающем клане Дзэннин сейчас не было ни единого мага, овладевшего Техникой десяти теней — единственным оружием, способным хоть как-то противостоять мощи Шести глаз. Но близнецы... Это Проклятие близнецов отравляло триумф, заставляя старейшин метаться между ликованием и тихим отчаянием.

Старший старейшина, чье лицо напоминало иссохшую, сморщенную корку дикого мандарина, глухо произнес:

— Проклятие близнецов можно разорвать. Есть один способ.

Все присутствующие прекрасно понимали, о чем речь. Если один из близнецов погибнет, разделенная пополам небесная благодать целиком перейдет к выжившему. И если сейчас их глаза действительно несовершенны, безжалостное устранение более слабого дитя позволит второму обрести истинное, абсолютное величие Шести глаз.

Мрачный намек повис в воздухе. Но статус священного дитя был настолько велик, что никто не посмел произнести страшные слова вслух.

Годжо Сэйити, отец новорожденных, с трудом сдерживал дрожь. Будучи магом прямой ветви клана, он обладал неплохой силой, но в присутствии патриархов оставался лишь безмолвной тенью. Не сотвори его супруга это двойное чудо, его бы и на порог не пустили.

Разгадав кровожадный подтекст речей старейшины, Сэйити уступил родительскому инстинкту. Страх за сыновей пересилил вековой пиетет перед старейшинами, и он поспешно заговорил:

— Малыши только родились, выводы делать рано! Вдруг они оба совершенно здоровы? История еще не знала близнецов с Шестью глазами, так откуда нам знать, делится ли эта сила вообще?

Он отчаянно цеплялся за соломинку. Он не знал, ущербны ли его сыновья, но твердо решил бороться за их жизни. Он не мог позволить принести в жертву ни одного из них. И пусть правила сурово гласили, что с этого дня младенцев заберут на воспитание к главе клана, лишив его и супругу права даже приближаться к ним, отцовское сердце обливалось кровью.

Его робкий протест заставил старейшин задуматься. Взвесив все за и против, глава клана наконец властно хлопнул ладонью по столу:

— Запечатать любые слухи! Мальчиков скрыть от посторонних глаз и обеспечить им абсолютную безопасность.

Даже если их дар окажется усеченным, носители Шести глаз все равно превзойдут любого рядового мага. Клан не имел права разбрасываться таким сокровищем.

Главное поместье Годжо мгновенно превратили в неприступную крепость. Однако даже самые надежные стены не способны удержать слухи, когда дело касается извечного соперничества Трех великих семейств. Шпионаж и вербовка информаторов давно стали обычным делом для Трех великих семейств. Физически проникнуть в Главное поместье Годжо ради убийства никто бы не посмел, но незримые нити чужих ушей тянулись отовсюду.

Вскоре до соглядатаев из кланов Дзэньин и Камо долетел невероятный шепоток: у Годжо родилась двойня, и у обоих младенцев — Шесть глаз.

Узнав об этом, конкуренты лишь снисходительно рассмеялись. Все решили, что вечные соперники попросту повредились умом от долгого ожидания мессии. Одновременное явление двух Шести глаз казалось нелепой сказкой.

Какая глупость! Чтобы в одну эпоху родились сразу два носителя великих глаз? Да еще и близнецы! Грезить подобным — верх безумия. Любой мало-мальски обученный проклятый маг знал о проклятии близнецов. Если эти слухи правдивы, то вместо непобедимого божества Годжо получили двух дефектных пустышек. Для врагов это воистину было лучшей из возможных новостей.

Тайные донесения подтверждали: в тот день в Главном поместье Годжо разродилась лишь супруга Сэйити, причем именно двойней. Именно поэтому абсурдную сплетню о "двух Шести глазах" никто не воспринял всерьез. Клан Годжо вздохнул с облегчением — им удалось выиграть время. Мальчики росли в тишине и строжайшей изоляции в самом сердце Главного поместья Годжо. Старейшины затаили дыхание, ожидая момента, когда дети проявят свои врожденные проклятые техники.

Внешний мир мог бурлить интригами, но новорожденных это не заботило. Куда страшнее оказалась тяжесть собственного дара. Шесть глаз работали пассивно, ежесекундно обрушивая на незрелые детские умы колоссальные лавины информации. Крохотный мозг не справлялся с бесконечным потоком данных об окружающем пространстве. Стоило малышам приоткрыть веки, как перегрузка вызвала сильнейший жар. Мучительная головная боль заставила их жалобно зайтись в плаче.

Благо, вековой опыт воспитания подобных детей помог быстро среагировать. Младенцев перенесли в абсолютно пустое, погруженное в полумрак помещение. Любые визиты были строго запрещены, а приставленная кормилица не смела подходить без крайней нужды,

наблюдая за подопечными издалека, чтобы лишний раз не тревожить их перегруженное зрение.

В огромной, пустой зале стояла лишь одна колыбель. И в ней, предоставленные сами себе, лежали два белокурых младенца с небесными глазами. Они остались наедине с целым миром.

Первенца, упредившего брата всего на три минуты, глава клана нарёк Харой. Младшего же назвали Сатору.

Сжимаясь от боли под натиском безжалостных зрительных образов, маленький Хара горько плакал, пока сквозь собственный крик не уловил надрывный плач рядом. Повинуясь инстинкту, первенец притих. Превозмогая резь в глазах, он повернул голову.

Личико младшего брата казалось невыразимо трогательным. Кроха еще не ведал слова «красота» или «привязанность», но на самом глубоком, интуитивном уровне ощутил: это родное, бесконечно близкое существо...

Он замер, завороченно вглядываясь в крохотный силуэт. Шесть глаз продолжали свою неумолимую работу, однако теперь все его фокусное внимание сузилось до одной-единственной точки — брата. Информация хлынула лавиной, но теперь она касалась только Сатору. И поразительно: эти сведения не причиняли боли. Напротив, в груди Хары разлилось тепло, и на младенческих губах заиграла робкая, светлая улыбка.

Задышающийся от жара Сатору вдруг затих. Благодаря панорамному зрению Шести глаз, стирающему слепые зоны, он отчетливо запечатлел улыбку соседа.

Один плачет, а другой улыбается?

Ощувив волну чистой, безмятежной радости, исходящую от брата, Сатору перестал хныкать. Влажные, подернутые слезами лазурные глаза устремились на Хару.

Две пары Очей Небес встретились взглядами, отражая друг друга, словно чистейшие зеркала.

Так, посреди гулкой пустоты огромного зала, едва явившись в этот мир, беззащитные близнецы впервые посмотрели друг другу в глаза. И в это мгновение их души сплелись в неразрывный, вечный узел.